

Никифор, архиеп. Константинопольский, свт. Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам / Пер. И. Д. Андреева; под редакцией М. Д. Муретова // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 6. С. 321–336 (1-я пагин.). (Продолжение.)

ности и обладают противоположными свойствами, и именно—первому усвоилъ бы тепло и сухость, а второй удѣлилъ холодъ и сырость, въ качествѣ же середины каждой изъ этихъ двухъ противоположностей ввелъ бы воздухъ, бывающій теплымъ и сырымъ. Затѣмъ, желая изслѣдовать ихъ свойства, которыми они подобны и различаются между собою, онъ сталъ бы дѣлать заключенія неискусно и невѣжественно. Приписывая каждой стихіи не присущее ей по природѣ качество, но отожествляя все противоположное и несовмѣстимое, перенося принадлежащее отдѣльно каждой изъ противоположностей на другую и опуская стихію посредствующую, сталъ бы качество огня приписывать водѣ и думать, что вода есть тепло и сухость. Если поступающій такимъ образомъ достоинъ посмѣянія, какъ заблуждающійся относительно вещей, очевидность которыхъ свидѣтельствуется чувствами, то сколь болѣе достойны смѣха считающіе божественную благодать идолопоклонствомъ? Или точнѣе — сколь большаго нечестія и безбожія исполненными справедливо считать ихъ за то, что они возстаютъ не противъ какого-либо не важнаго предмета, а противъ самаго главнаго, послѣ чего уже нѣтъ ничего болѣе высшаго — противъ святой и неповрежденной вѣры нашей. О, божественное правосудіе, отъ коего ничего не сокрыто, неподкупное и всевидящее, проникающее все видимое и мыслимое! О, неизреченная глубина судовъ Божіихъ! О, божественное долготерпѣніе и неизслѣдимое снисхожденіе! Доколѣ же, скрывая гнѣвъ на нечестивцевъ, будешь терпѣть настоящее? Когда же явишься для суда надъ дерзостями согрѣшающихъ противъ Тебя?

68. Слушай небо,—приклони ухо земля,—и внемли вся тварь! Законъ святъ и заповѣдь свята, справед-

лива и блага. Прекрасно. Но если свято то, что доставляетъ намъ божественное вѣдѣніе въ степени слабой и недостаточной, какъ бы подъ покровомъ буквы и сѣни, то сколь святѣе и божественнѣе благодать, дарованная намъ Богомъ Словомъ? Она несравненно выше закона, доставляетъ намъ болѣе ясное и возвышенное откровеніе Троицы въ духѣ и истинѣ, посвящаетъ и научаетъ насъ истинному и чистому познанію единаго Бога и поклоненію Ему, возрождаетъ въ высшее сыноположеніе Духомъ и ясно возвѣщаетъ надежду царства небеснаго. Но враги благодати все это объявили идолопоклонствомъ: до такой нелѣпости довело ихъ нечестіе! Такъ увлекаемые жалкими разсужденіями въ неразуміе и суету выходятъ они изъ границъ здраваго разума!

Притомъ: законъ имѣя только тѣнь будущихъ благъ, а не самый образъ вещей, своими ежегодными жертвами, которыя постоянно приносились, никогда не могъ сдѣлать совершенными людей подзаконныхъ. Посему и не прекращалось приношеніе жертвъ. И однако законъ святъ, хотя и не могъ сдѣлать совершенными жившихъ по нему. И заповѣдь свята, хотя она имѣла только тѣнь будущаго, а не самый образъ вещей.—Что же такое самыя вещи, которыхъ законъ былъ сѣнію, т. е. благодать и истина, бывшія чрезъ Іисуса Христа, объ этомъ пусть скажетъ необузданный языкъ новыхъ язычниковъ.

Затѣмъ: законъ ничего не усовершеналъ и однако былъ святъ. А что же Христось, Который (Евр. 10 14) *единствѣнъ приношеніемъ совершилъ есть на вѣки освящающихъ* (ибо Онъ есть совершитель вѣры нашей, на Кого взираемъ)? Новоявленные Іудеи пусть снова распинаютъ Его.

Что дальше (говорятъ они), мы (потомъ) разсмотр-

римъ. А (теперь) опять обратимся къ словамъ Павла и возможно внимательнѣе рассмотримъ, насколько наше служеніе выше и превосходнѣе подзаконныхъ священниковъ и ихъ священнодѣйствій. Подзаконные священники, поскольку они, какъ люди, были облечены немощію, не только за народъ, но уже и за самихъ себя приносили узаконенныя жертвы (Евр. V, 2, 3). Нашъ же Первосвященникъ и Апостоль исповѣданія нашего не имѣетъ нужды, какъ тѣ, дѣлать это каждодневно сперва за свои грѣхи, а потомъ за грѣхи народа, ибо Онъ совершилъ это однажды, принеся (въ жертву) самого Себя, и возсѣлъ одесную величествія на небесахъ, предтечею за насъ вошедъ во внутреннѣйшее за завѣсу и содѣлавшись архіереемъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову (Евр. 7, 27 и 6, 19—20). Притомъ тѣхъ было много, ибо смерть прерывала и возбраняла имъ жить. А этотъ, какъ пребывающій во вѣки, имѣетъ и священство не преходящее; посему и можетъ всегда спасать входящихъ чрезъ Него къ Богу (Евр. 7, 23—25). Тѣ служили образу и тѣни небснаго и ежегодно входили во святая святыхъ съ чужою кровью. А этотъ получилъ служеніе тѣмъ превосходнѣйшее, чѣмъ лучшаго Онъ ходатай завѣта (Евр. 8, 5—6), первосвященникъ будущихъ благъ въ большей и совершеннѣйшей скинни нерукотворенной,—и не съ кровію козловъ и тельцовъ, но со Своею кровію вошелъ однажды во святое святыхъ и пріобрѣлъ вѣчное искупленіе (Евр. 9, 11—12). Онъ Самъ былъ и священникъ и жертва, почему и открылъ намъ святая святыхъ, отверзъ для всѣхъ врата небсныя и содѣлалъ ихъ доступными, легко и удобно проходимыми.

Какое различіе лицъ—Христа и Аарона съ его преемниками, совершенно не сходныхъ! Какое без-

предѣльное и безконечное разстояніе между ними и какое различіе жертвъ! Тамъ приносилась кровь безсловесныхъ животныхъ, а здѣсь приносится кровь пречистаго Агнца, вземлющаго грѣхъ міра. Различны, сверхъ того, завѣты и skinii. Тамъ было рукотворное и временное, уничтожаемое временемъ, не имѣющее прочности и, говоря вообще такое, что уже обветшало, устарѣло и посему исчезло. Здѣсь же не рукотворное и временное, но постоянное и вѣчное, всегда обновляемое, никогда не измѣняемое, не уменьшаемое и не уничтожаемое. Кромѣ того необходимо различать служеніе и жертвы. Тѣ были тучныя и плотскія,—какъ бы въ образахъ предназначившая и представляя грядущее и истину, онѣ не имѣли (и не давали) совершенства. Наши же, совершаемая въ духѣ и истинѣ, усовершенствуютъ приносящихъ чрезъ нихъ Богу жертву хвалы, и чрезъ нихъ непрестанно взываютъ: авва Отче (Рим. 8, 15). И еслибы совершенство, говорить (апостоль), достигалось посредствомъ Левитскаго священства (ибо для сего данъ законъ народу), то не было бы нужды возставать иному Священнику по чину Мельхиседекову, ибо законъ ничего не довель до совершенства, но вводится лучшая надежда, посредствомъ которой мы приближаемся къ Богу (Евр. 7, 11 и 19). Точно также жертвы и приношенія не могли содѣлать служившаго совершеннымъ по совѣсти. Затѣмъ: кровь тельцовъ и козловъ и пепель телицы, окропляя участвовавшихъ, освящали къ плотской чистотѣ. Чѣмъ же должны считать наши противники кровь Христа, очищающую совѣсть отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному (Евр. 9, 13—14)? Неужели (будутъ считать ее) не освящающею и не очищающею. Будучи нечистыми въ своей совѣсти и

мертвыми по дѣламъ своимъ, они навѣрно дерзнутъ сказать: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ“. Пусть же они говорятъ и дѣлаютъ это, а мы перейдемъ къ дальнѣйшему разсужденію.

69. Итакъ, *имѣяше*, говоритъ апостолъ, *первая скинія оправданія служенія* (Евр. 9, 1). Какія же? Въ ней былъ свѣтильникъ, трапеза и предложеніе хлѣбовъ. Какъ же называлась? Святое. (Евр. 9, 2). А что такое наша скинія? Какъ называется она у враговъ благодати? Конечно, она много лучше той и священнѣе. Что же иное можно сказать, какъ не то, что различіе ходатаевъ въ достоинствѣ столь же велико, сколь велико различіе истины отъ образовъ и тѣни? Какъ же наша скинія именуется ими? Не святою, о богохульство, но скверною и нечистою, имѣющею не *оправданія служенія*, а мерзости идолослуженія.

Такова дерзость богоборныхъ языковъ: они не оказываютъ благодати почтенія даже равнаго закону, но считаютъ ее постыдною и мерзкою, хотя тамъ ходатаемъ и служителемъ былъ рабъ и слуга Моисей, а здѣсь Владыка Моисея и Господь всяческихъ, служитель святости и скиніи истинной, которую воздвигъ Богъ, а не человѣкъ. И Тотъ, Кто тамъ, законодательствовалъ, какъ Богъ, здѣсь Онъ же ходатайствуетъ, какъ человѣкъ и содѣлавшись подобнымъ намъ. Тамъ первосвященникъ—Ааронъ съ потомками своими, а здѣсь самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, первый и великій Архіерей, по исповѣданію нашему и вѣрѣ нашей. И свѣтильникъ тамъ, сдѣланный изъ золота, свѣтилъ людямъ, жившимъ еще подъ закономъ и сѣнію; здѣсь же свѣтъ истинный, грядущій въ міръ, который преслѣдуется тьмою, но не осиливается ею. Онъ освящаетъ cadaго человѣка, грядущаго въ міръ, и осіяваетъ ходящихъ во свѣтѣ и

блистаніи благодати. Трапеза тамъ была сдѣлана изъ негниющаго дерева и покрыта чистымъ золотомъ; здѣсь же она устроится изъ самаго драгоценнаго у насъ вещества, освящается самою божественною жертвою, украшается Духомъ Святымъ и на ней совершаются таинства богослуженія въ духѣ и истинѣ. И каждый вѣрующій можетъ содѣлать духовную трапезу изъ своего сердца, тщательно омывъ и очистивъ его, дабы оно могло свято принимать приходящее Слово, Которое духовно на ней возлежитъ и таинственно потребляется. Тамъ прѣсный хлѣбъ съ горькими травами, приправленный травою какъ бы соусомъ какимъ, употребляется тѣми, коимъ было повелѣно вкушать травы во время прообразовательной пасхи. Здѣсь же снисшедшее съ неба Слово даруетъ людямъ пищу, сообщающую безсмертіе, чрезъ которую они получаютъ жизнь вѣчную. Оно заквасило въ Себѣ тѣсто наше и непреложно смѣшало его съ блескомъ Своего божества. Тамъ приносились въ жертву безсловесныя животныя, кровь которыхъ текла вокругъ присутствующихъ и окропляла ихъ въ освященіе и очищеніе тѣла, причемъ приносившимъ въ жертву быковъ или овецъ назначались (отъ жертвъ) части въ знакъ оправданія. Здѣсь же за насъ закалается славная жертва, честною и безцѣнною кровію, которой мы запечатлѣваемся и очищаемся отъ всякой скверны и всякой нечистоты какъ души такъ и тѣла.

И такъ, если символы святы, то развѣ не тѣмъ болѣе священны и святы самыя вещи, которыхъ символами они служатъ? Но такъ какъ безумцы эти не поняли и не могутъ сказать: „какое общеніе Христа съ веліаромъ или свѣта со тьмою, или какое единеніе храма Божія съ идолами (ибо они не заботятся

о чистотѣ вѣры нашей, о правотѣ преданныхъ намъ отцами догматовъ и объ изслѣдованіи священнаго Писанія), то они и не боятся врачевницу нашу (храмъ) называть идольскимъ капищемъ.

Но возвратимся снова къ скиніи.

За второю завѣсою, говоритъ Апостоль, была скинія, въ которой, кромѣ другихъ святынь, находились ковчегъ завѣта и очистилище, сдѣланныя изъ негніющихъ деревъ и обложенныя чистымъ золотомъ. Это (отдѣленіе скиніи) называлось святое святыхъ. (Евр. 9, 3—4). Наша же скинія святѣе и божественнѣе Святаго святыхъ. Въ качествѣ ковчега она имѣетъ пресвятое и животворящее тѣло Спасителя нашего Христа, прообразно предуказуемое ковчегомъ въ его негніющихъ деревьяхъ, которыми какъ бы въ сѣни обозначается его безгрѣшность и преобразуемость къ нетлѣнію и безстрастію, когда силою соединившагося съ нимъ Слова, упразднившаго смерть и уничтожившаго тлѣніе, Оно, посѣтивъ страны ада, явилось выше смерти, и, побывавъ въ тлѣнныхъ мѣстахъ, пріяло славу нетлѣнія.

Какъ бы золотомъ блестящимъ Оно покрыто и осіано существенно соединеннымъ съ нимъ божествомъ. Также и очистилищемъ для насъ Богъ Отецъ содѣлалъ самого Христа, ибо Онъ есть очищеніе наше (1 Іоан. 2, 2) и Отецъ такъ возлюбилъ насъ, что послалъ Сына Своего для очищенія грѣховъ нашихъ (1 Іоан. 4, 10). Но что все это въ глазахъ людей съ извращенною мыслию и по причинѣ грѣховъ умершихъ по душѣ? Почтеніе часто слѣдуетъ оказывать со страхомъ и трепетомъ соединеннымъ молчаніемъ по отношенію къ святымъ. А эти пусть вопять съ обычною и пріятною имъ дерзостію.

Но здѣсь, какъ я думаю, надо признать благовре-

меннымъ замедлить слово, хотя бы нѣкоторымъ это и могло показаться отступленіемъ, — и поразсудить немного о томъ, что было въ skinii, дабы это послужило въ обличеніе невѣжества и нечестія безумцевъ, а вѣрнымъ истинѣ въ подкрѣпленіе.

70. Апостоль говоритъ, что надъ ковчегомъ были херувимы славы, осѣняющіе очистилище (Евр. 9, 5). Но на это да позволено будетъ высказать предъ Апостоломъ такое недоумѣніе: „что говоришь, Павле? Херувимы ли это? Что мы знаемъ о нихъ? Вѣдь изъ всѣхъ блаженныхъ и пренебесныхъ круговъ они получили отъ Бога самый первый и ближайшій къ Нему чинъ и удѣлъ, дабы достойно и праведно воздавалась имъ дань прославленія, какъ существамъ, ближайшимъ Богу и потому первымъ отъ Него осіяваемымъ и украшаемымъ невещественнымъ и премірнымъ свѣтомъ? Вѣдь этого сказать ты не можешь (о херувимахъ ковчега). Что же это были? Соболаговоли изречь ясно и сдѣлай возможно точное разъясненіе о нихъ, возведя, сколь доступно намъ, грубую, плотяную и долу обращенную мысль нашу къ тѣмъ простымъ и божественнымъ созерцаніямъ, отъ которыхъ тебѣ было сообщено таинственное восхищеніе и восхожденіе до третьяго неба. Можетъ быть, тебѣ было показано нѣчто болѣе святое и высокое, чѣмъ Моисею, что ты оставилъ въ просвѣщеніе богомудрымъ ученикамъ твоимъ для божественнѣйшаго наученія тѣхъ, которые способны вмѣстить такое знаніе? Ты скажешь, безъ сомнѣнія, какъ это мы хорошо знаемъ, именно то, что божественные Херувимы по природѣ существуютъ безвидными и что они не могутъ быть видимы для человѣческой природы. Однакожь они суть силы безтѣлесныя и пресвятыя, окружающія Бога и первыми отъ Бога осіяваемыя

слуги перваго свѣта, чистѣйшіе духи, или какъ бы огонь невещественный и безтѣлесный. *Творяй*, сказано, *ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный* (Ис. 103, 4. Евр. 1, 7). Это говорится вообще и одинаково о всѣхъ небесныхъ силахъ, кои по благодати Творца получили безсмертіе и нетлѣнность своей природы. Тѣ же Херувимы, которые находились надъ ковчегомъ и тѣнію своихъ крыльевъ покрывали очищенное, суть вещественны по своей сущности и тѣлесны. Они были сдѣланы изъ чистаго золота, чеканные и кованые, прекрасно устроенные человѣческими руками съ высокимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла, выдѣланные изъ самыхъ лучшихъ и пригодныхъ кусковъ золота, почему они и представляются въ разныхъ видахъ.

Прибавъ къ этому, для полноты и стройности разсужденія, что тѣ херувимы, которымъ это имя прилагается въ собственномъ смыслѣ, суть духовныя и умственные сущности, отъ пресущной и всезидительной Причины получившія вѣчную и духовную жизнь, усвоивъ ее вмѣстѣ съ своею разумно-духовною сущностію,—силы духовныя и энергіи ипостасныя, премірныя умы, невещественные, безстрастные и безтѣлесные, преестественно разумѣвающіе все, осіяваемое Богомъ, просто и единообразно, все вмѣстѣ и непосредственнымъ созерцаніемъ. Предано также, что они многоочити, ибо обращены къ Богу и непосредственно созерцаютъ то, что имъ прямо отъ Бога открывается, такъ какъ они выше всякаго образа и вида и не причастны имъ. Какъ не матеріальные и безтѣлесные, они безпространственны и неосязаемы, не измѣримы количественно, по величинѣ и качественно, и вслѣдствіе этого чужды тлѣнію и совершенно свободны отъ всякаго измѣненія. Стоявшіе же

въ кожи, сдѣланные изъ золота херувимы, не суть умы, ни духовны, не имѣютъ ни ума, ни чувствъ, ни суть что либо подобное. Они совершенно лишены жизни, всякой силы и способности къ дѣйствию, тѣлесны и вещественны, хотя бы это и былъ чистѣйшій и блестящій металлъ. Будучи тѣлами и состоя изъ матеріи и формы, они естественно имѣли образъ и видъ, почему и не оказались свободными отъ уничтоженія и измѣненія. Такъ какъ они имѣютъ тройное измѣреніе, то они количественны и воспринимаются по ихъ величинѣ и количеству. Кромѣ того святѣйшимъ херувимамъ присуще движеніе: они приходятъ въ движеніе, когда дѣйствуютъ мыслию, они постоянно и непрерывно наполняются любовью къ Богу, непреодолимо тяготѣютъ къ Богу и не посредственно и прежде всѣхъ воспринимаютъ сіяніе божественнаго свѣта. Они приближаются другъ къ другу, не сливаясь, и удаляются, приходятъ къ тому, что подчинено имъ, ради промысленія и благодѣтельствованія. Они содѣйствуютъ гѣмъ, кои нуждаются въ нихъ, руководствуютъ и направляютъ ихъ къ божественному и возвышенному. Впрочемъ они обладаютъ и постоянствомъ, будучи тверды и неизмѣнно обращены къ Богу, не отступаютъ отъ своего богоподобнаго состоянія и постоянства, но пребываютъ и обращаются въ одномъ и томъ же положеніи вѣчнаго блаженства. Этимъ же вещественнымъ херувимамъ не присуще движеніе, у нихъ нѣтъ жизни, ни ума, ни чувства, нѣтъ ни склонностей, ни стремленій, ни желаній. Они не перемѣняютъ мѣста, не двигаются и для движенія нуждаются въ помощи другихъ. Они стоятъ тамъ, гдѣ поставлены и устроены, и свое мѣсто занимаютъ не сами собою: они бездушны и безчувственны и нуждаются въ человѣкѣ, который

бы поставилъ и укрѣпилъ ихъ, гдѣ захочетъ. Затѣмъ, истинные херувимы обладаютъ рѣчью, такъ какъ они существа словесныя. Рѣчь ихъ не подобна нашей, которая при посредствѣ голосовыхъ органовъ исходитъ отъ свойственнаго намъ жизнетворнаго дыханія, образуется отъ колебаній воздуха и чувственно воспринимается слушающими. Такъ какъ они обращаются другъ съ другомъ, какъ существа нематеріальныя, несложныя, простыя и безтѣлесныя и знаютъ помышленія другъ друга, то они и сообщаются другъ съ другомъ при посредствѣ молчаливаго слова, которое (для нихъ) понятнѣе всякой внѣшней рѣчи. Эти же херувимы, сдѣланные изъ золота и матеріала бездушнаго и безсловеснаго, суть и безсловесны, и неразумно заводитъ рѣчь объ ихъ рѣчи. Тѣ, будучи причастниками обильнаго богоначальнаго свѣтоизліянія, насколько возможно, подражаютъ божественному образу и подобію и стремятся умпостигаемо и премірно къ уподобленію божественному первообразу. Эти же получаютъ блескъ, свойственный только матеріи, и имѣютъ образъ, несходный съ первообразомъ. У тѣхъ самое имя показываетъ полноту вѣдѣнія, его неоскудѣваемость и преизобиліе въ нихъ мудрости по причинѣ обильнаго и неизсякаемаго свѣтоизліянія. Вслѣдствіе сего имъ присуща способность созерцанія, они богоподобно устремляются на высоту всякаго превышняго созерцанія и знанія и всегда наполнены божественнымъ и чуднымъ свѣтомъ. Посему то имъ сначала возсіяваетъ откровеніе мудрыхъ словесъ, исходящихъ отъ Божественнаго Начала на благопромышленіе. Будучи, насколько это возможно, причастниками божественнаго вѣдѣнія, они сверхъестественно познаютъ многія божественныя и превышнія тайны, пищей для нихъ служитъ сіяніе простаго и блаженнаго свѣтоявленія, ко-

торое ближе и первѣ всего изливается на нихъ изъ лучей Верховнаго Свѣта. И такимъ образомъ они, какъ богоподобнѣйшіе, удостоиваются чиноначалія, высшаго всѣхъ премірныхъ умовъ. По той же причинѣ они, будучи первѣ всѣхъ удостоиваемы Богоначальною Сверхсущностію причастія богословскаго вѣдѣнія, передаютъ его стоящимъ ниже ихъ существамъ. Такимъ образомъ они суть провѣщатели божественнаго молчанія, являющіе собою неизреченность сверхсущной тайны, и непрестанно и немолчно воспѣваютъ благодать Божію священною и трисвятою пѣснію. Эти же (херувимы) носятъ только одно названіе, но не имѣютъ участія ни въ откровеніи, ни въ вѣдѣніи, ни во всемъ другомъ, о чемъ сказано выше. Кромѣ того тѣ суть образы богоначалія, являющіе собою тайный и невидимый свѣтъ, уподобляющіеся, насколько то возможно, божественному и боговидно воспріемлющіе въ себя все сіяніе божественнаго свѣта, слѣдовательно, общники того, чѣмъ является въ своемъ существѣ то, чего они приобщаются. Они суть второй свѣтъ, челоуѣколюбивый и благодатный, пречистое и нескверное сіяніе перваго свѣта, благоприлично представляющіе подобіе перваго свѣтоноснаго божественнаго образа. Они познаютъ также не только духовное въ себѣ самихъ, но и чувственное, впрочемъ не чувственно, а духовно, по особому наставленію присущей имъ божественной силы, познавая не вещественно и мысленно. Эти же, сдѣланные изъ золота, суть слабые и несходные образы образовъ, весьма различающіеся отъ представляемаго ими первообраза. И ничего они не знаютъ, ибо какъ могутъ они знать, будучи таковыми, хотя, какъ тщательно вычеканенные и высѣченные, они и издаютъ яркій блескъ и сильное сіяніе. И такъ, почему же и ради

чего ты называешь ихъ херувимами, хотя они никоимъ образомъ не причастны по существу премірнымъ силамъ?

Это, повторю, не моя рѣчь, и не мною первымъ такое названіе придумано и къ нимъ приложено. Это гласъ боговидца и законодателя Моисея, древле возвѣщенный, имѣющій за себя древнее свидѣтельство Священнаго Писанія и потому достопріемлемый. Если нужно говорить точнѣе, то это гласъ самого Бога, повелѣвающаго Своему рабу, когда Онъ начертывалъ и показывалъ ему планъ древней скиніи, поелику скинія имѣла нѣсколько слабыхъ подобій и изображеній небесныхъ и вышнихъ чиновъ, представленныхъ въ фигурахъ, ибо *виждь*, говоритъ, *да сотвориши по образу показанному тебѣ на горѣ* (Исх. 25, 40). Это для того, чтобы Богъ всяческихъ былъ представляемъ и какъ Господь херувимовъ. И какъ они, будучи непосредственно и прежде всѣхъ просвѣщаемы, выполняютъ служенія въ небесныхъ обителяхъ и благодѣтельныя распоряженія божественнаго промысла передаютъ стоящимъ ниже ихъ, такъ это же по снисхожденію Божію подражательно устрояется и для живущихъ на землѣ тѣми, которые уподоблены имъ. Посему и законодателю повелѣвается устроить ихъ съ возможнымъ тщаніемъ, ибо удостоившійся богозрѣнія отсюда получалъ божественныя откровенія, такъ какъ ему было поручено служить и пещись о народѣ, ввѣрено было руководительство и власть надъ нимъ. Поэтому и записано въ распоряженіяхъ относительно ковчега завѣта въ священной книгѣ, именуемой *Исходъ сыновъ Израилевыхъ*, что Богъ повелѣлъ такъ: *да сотвориши очистилище покровъ отъ злата чиста: двою лактій и полъ въ долготу лактя же и полъ въ широту. И сотвориши два херувима злата*.

изваянна, и возложиши я отъ обоихъ странъ очистилища. Да сотворятся херувимы, единъ отъ страны сея, и другій отъ страны другія очистилища: и сотвориши два херувима на обоихъ странахъ. Да будутъ херувими распростирающе крила верху, соосъняюще крилами своими надъ очистилищемъ, и лица ихъ ко другъ другу, на очистилище будутъ лица херувимска. И да возложиши очистилище на кивотъ верху, и въ кивотъ положиши свидѣнія, яже далъ тебѣ. И познанъ буду тебѣ оттуду, и возлагаю тебѣ сверху очистилища между двѣма херувимы, иже суть надъ кивотомъ свидѣнія, и по вѣмъ елика аще заповѣда тебѣ къ сынамъ Израилевымъ (Исх. 25, 17—23). Глухіе пусть откроютъ слухъ свой и неразумные пусть приложатъ умъ свой: это слова и велѣнія Бога. И не могутъ сказать, что это было дѣло Моисея, человѣческое измышленіе, созданіе нашего искусства, ибо Богъ узаконяетъ, Богъ повелѣваетъ. Кто усумнится въ этомъ? Пусть смотрятъ: здѣсь нѣтъ ничего загадочнаго, неяснаго, скрытаго, аллегорическаго: этихъ бездушныхъ, безчувственныхъ, совершенно неподвижныхъ, устроенныхъ изъ бездушной и безсловесной матеріи, отличающихся только блескомъ и сіяніемъ по виду, чистотою матеріала и искусствомъ художника, Богъ всяческихъ удостоилъ названія, одинаковаго съ названіемъ святѣйшихъ херувимовъ, живыхъ, дѣятельныхъ и всегда подвижныхъ силъ. Не иконами херувимовъ, не подобіями, не изображеніями, но пользуясь однимъ и тѣмъ же именемъ, Богъ, отдавая повелѣнія, нарекъ ихъ чистымъ и яснымъ названіемъ херувимовъ. Да устыдитъ упрямыхъ и не покоряющихся истинѣ то, что здѣсь имя херувимовъ употреблено и произнесено семь разъ—число, считающееся священнымъ въ боговдохновенномъ Писаніи,—дабы и величіе Возвѣстив-

шаго и священный характеръ этого числа сдѣлалъ это безспорнымъ, дабы также если безбожники будутъ отвергать обычаи христіанскіе и подражать Іудеямъ, они представлялись болѣе невѣрными и упорными, чѣмъ послѣдніе, ибо Іудеи никогда не дерзали безчестить херувимовъ именемъ идоловъ, хотя часто, забывъ божественную религію, они заблуждались и служили идоламъ. Они были для нихъ честными, покланяемыми и почитаемыми, настолько чтимыми, что никто изъ простыхъ людей по страху и благоговѣнію не входилъ во святое святыхъ. Только въ первую часть скиніи входили священники для совершенія богослуженія, ибо эта часть была открыта и доступна для многихъ. Слѣдовавшая же за нею часть, не была ни для кого доступна и прикосновенна, за исключеніемъ только одного раза въ годъ, когда первосвященнику дозволено было входить въ нее для совершенія предписаннаго закономъ.

И такъ, пресвятыя силы изображаются по божественному повелѣнію; распростертыя надъ кивотомъ золотыя изображенія получаютъ одно и тоже имя съ святыми первообразами; совершенно сообразно съ истиной предлагаются образы неизобразимыхъ, начертанія не начертаемыхъ. Согласно съ богомудрыми отцами нашими, славными вождями церкви, слѣдуетъ утверждать, что такъ какъ мысль наша не въ состояніи подняться до непосредственнаго духовнаго созерцанія и нуждается въ свойственныхъ ей естественныхъ пособіяхъ, которыя дѣлаютъ доступными намъ образы безобразныхъ и сверхестественныхъ созерцаній, то это есть дѣло божественной благодати и отческаго попеченія, что блаженныя пренебесныя силы являються предъ нами въ изобразимыхъ символахъ, которые возводятъ умъ нашъ, нуждающійся въ вещественной

помощи, къ подражанію, насколько возможно, и созерцанію ихъ свойствъ.

„Но, скажутъ, допустимъ, что херувимы скиніи получили свое названіе отъ Бога; почему же надо усвоить имъ и соотвѣтствующую славу? Потому прежде всего, что это есть повелѣніе Божіе. А что повелѣваетъ и дѣлаетъ Богъ, то достойно почтенія, ибо ничто праздно и тщетно отъ Него не исходитъ. Разумѣть это можно изъ исторіи творенія: *и видѣ Богъ, говоритъ бытописатель, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). Затѣмъ, развѣ не славно то, въ чемъ открывається и познается Богъ? Что славнѣе божественнаго пребыванія или тѣхъ мѣстъ, въ коихъ Онъ въ цѣляхъ промышленности обитаетъ? Откуда слава горы Синая, и страхъ, и запрещеніе приступать къ ней? Почему Моисей, касаясь божественной земли, услышалъ: *мѣсто бо, на немъ же ты стоишь, земля свята есть* (Исх. 3, 5). Ему было повелѣно отрѣшиться отъ всего земнаго и плотскаго, что показываетъ между прочимъ и снятіе сапогъ.

71. Почему, опуская другое, досточтимыя мѣста въ Іерусалимѣ, въ которыхъ Спаситель совершалъ великія и божественныя дѣла и за насъ претерпѣлъ страданія, для всѣхъ любезны и дороги? А что имя, прилагаемое къ какимъ-либо вещамъ, можетъ передавать славу свою и благодать, объ этомъ мы узнаемъ отъ Господа, Который говоритъ въ Евангеліи: *пріемляй пророка, во имя пророче, мзду пророку пріиметъ: и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведнику пріиметъ. И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея* (Мѡ. 10, 41). Такъ и херувимы, раздѣляя имя херувимовъ небесныхъ, приобщаются славѣ ихъ. Пусть познають